

Нераскрытая самоць

В этой работе К. Г. Юнг касается необычной темы. Он утверждает, что будущее зависит от того, сможем ли мы противостоять массовым тенденциям социума. Только поняв свою бессознательную внутреннюю природу — «нераскрытую самость», — мы сможем достичь самопознания, которое является противоположностью идеологического фанатизма. Но для этого мы должны осознать двойственность человеческой психики, должны понять, что добро и зло существует в каждом из нас.

Карл Густав ЮНГ

НЕРАСКРЫТАЯ САМОСТЬ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 159.964.2 Юнг
Ю 50

Юнг К. Г.

Ю 50 Нераскрытая самость / Карл Густав Юнг. — Киев: Издательский дом «С В А Р О Г», 2023. — 192 с.

ISBN 978-966-370-718-1

В этой работе К. Г. Юнг касается необычной темы. Он утверждает, что будущее зависит от того, сможем ли мы противостоять массовым тенденциям социума. Только поняв свою бессознательную внутреннюю природу — «нераскрытую самость», — мы сможем достичь самопознания, которое является противоположностью идеологического фанатизма. Но для этого мы должны осознать двойственность человеческой психики, должны понять, что добро и зло существует в каждом из нас.

УДК 159.964.2 Юнг

ISBN 978-966-370-718-1

© Издательский дом «С В А Р О Г», 2023.

Настоящее и будущее^[1]

1. Бедственное положение индивида в современном обществе

Что ждет нас в будущем? Данный вопрос занимал человеческий ум с незапамятных времен, пусть и не всегда в одинаковой степени. Как показывает история, человек с тревогой и надеждой обращает свой взор в будущее преимущественно во времена физических, политических, экономических и духовных потрясений. В такие периоды число антиципаций, утопических идей и апокалиптических видений возрастает многократно. В качестве примера можно привести хилиастические ожидания, характерные для эпохи Августа на заре христианской эры, или духовные перемены на Западе, сопровождавшие конец первого тысячелетия. Сегодня, когда близится к концу второе тысячелетие, наш мир вновь полон апокалиптических образов всеобщего уничтожения. Чем обернется разделение человечества на две половины – глобальный раскол, символизируемый Железным занавесом? Что станет с нашей цивилизацией и с самим человеком, если начнут взрываться водородные бомбы или если Европу поглотит духовная и нравственная тьма государственного абсолютизма?

У современного человечества нет никаких оснований не воспринимать эту угрозу всерьез. Повсюду на Западе существуют группы диверсантов, которые, находясь под надежной защитой нашего человеколюбия и чувства справедливости, в любой момент готовы поджечь запал. Остановить распространение их идей способен лишь критически мыслящий разум интеллектуально развитого, психически стабильного слоя населения. Не следует переоценивать толщину этого слоя. Последняя не только варьирует в разных странах в соответствии с национальным темпераментом, но и зависит от уровня государственного образования, а также подвержена чрезвычайно сильному влиянию факторов экономического и политического толка. Если в качестве критерия взять плебисцит, то по самым оптимистическим оценкам максимальная «толщина» этого слоя составит сорок процентов электората. Более пессимистическая оценка равно оправданна, ибо дар здравого смысла и критического мышления не принадлежит к числу характерных особенностей человека. Даже там, где он присутствует, ему свойственны колебания и непостоянность. Как правило, его проявления тем слабее, чем больше политическая группа. Масса подавляет пронизательность и способность к размышлению, возможные на индивидуальном уровне, а это, в свою очередь, неизбежно ведет к доктринерской и авторитарной тирании, едва только конституционное государство даст слабину.

Рациональная аргументация имеет шансы на успех только в том случае, если эмоциональность данной конкретной ситуации не превышает определенного критического уровня. Если эмоции зашкаливают, всякая возможность того, что разум возьмет действие, исключена. На смену ему приходят лозунги и химерические желания- фантазии. Иными словами, возникает своеобразная коллективная одержимость, которая быстро достигает масштабов психической эпидемии. В

таких условиях все те элементы, которые при верховенстве разума считаются асоциальными и чье существование общество всего лишь терпит, поднимаются наверх. Эти люди отнюдь не редкие безумцы, встретить которых можно разве что в тюрьмах или психиатрических лечебницах. По моим оценкам, на каждого явного сумасшедшего приходится как минимум десять скрытых. Безумие этих несчастных редко проявляется в открытой форме, но их взгляды и поведение, при всей внешней нормальности, подвержены неосознаваемому воздействию патологических и извращенных факторов. По понятным причинам никакой медицинской статистики касательно распространенности латентных психозов не существует. Даже если отношение случаев латентных психозов к случаям явных психозов и явных преступных наклонностей меньше десяти к одному, весьма небольшой процент населения, который ими страдает, с лихвой компенсируется крайней опасностью этих людей. Их психическое состояние аналогично состоянию возбужденной группы, управляемой аффективными суждениями и желаниями-фантазиями. В такой среде они быстро адаптируются и чувствуют себя в ней комфортно. По опыту они знают «язык» условий такого рода и умеют к ним приспособливаться. Их химерические идеи, подпитываемые фанатичным возмущением, вызывают к коллективной иррациональности и находят в ней плодородную почву; они выражают все те мотивы и недовольство, которые у более нормальных людей таятся под мантией благоразумия и глубокомыслия. Несмотря на их малое количество в сравнении с общей популяцией, они опасны как источники заразы, именно потому, что так называемый нормальный человек владеет лишь ограниченными знаниями о себе.

Большинство людей путают знание себя со знанием осознаваемых эго-личностей. Любой человек, обладающий хотя бы минимальным эго-сознанием, убежден, что знает себя. Но

это знает только собственное содержимое; оно не знает бессознательного и содержимого бессознательного. Люди судят о степени самопознания на основе того, что знает о себе среднестатистический человек из своего социального окружения, но не на основе реальных психических фактов, которые, как правило, скрыты. В этом смысле человеческая психика подобна телу, о физиологическом и анатомическом строении которого большинство имеет крайне скудное представление. Хотя все мы живем в теле и с телом, обыватель не задумывается о его устройстве и функционировании; чтобы познакомить сознание с тем, что известно о нашем организме, требуется специальное научное знание, не говоря уж о том, что не известно, но, тем не менее, существует.

Посему то, что принято называть «знанием о себе», в действительности очень ограничено, причем большая часть этого «знания» зависит от социальных факторов, от того, что происходит в человеческой психике. По этой причине всем нам свойственно предубеждение, что то-то или то-то не может произойти «с нами», «в нашей семье», в кругу наших друзей или знакомых. С другой стороны, человеку присущи не менее иллюзорные убеждения относительно предполагаемого наличия у него определенных качеств, которые в действительности служат одной-единственной цели – скрыть истинное положение дел.

В этом обширном поле бессознательного, не доступном критике и контролю сознания, мы совершенно беззащитны, а потому подвержены всем видам влияний и психических инфекций. Как и при опасности любого другого рода, мы можем предотвратить риск психического инфицирования только в том случае, если будем знать, что именно нас атакует, а также где, когда и каким образом произойдет нападение. Поскольку самопознание – это познание индивидуальных фак-

тов, теория здесь практически бесполезна. Как известно, чем больше теория претендует на универсальную достоверность, тем меньше она способна учитывать индивидуальные вариации. Любая теория, основанная на опыте, неизбежно носит статистический характер; она постулирует идеальное среднее, которое исключает все отклонения на обоих концах шкалы и заменяет их абстрактным средним арифметическим. Это среднее арифметическое вполне адекватно, хотя и не обязательно встречается в реальности. Несмотря на это, оно присутствует в теории в качестве неопровержимого фундаментального факта. Крайности, хоть и существуют, в конечном результате не фигурируют вообще, ибо взаимно сокращаются. Если, например, я вычислю вес каждого камушка в пласте гальки и получу средний вес в пять унций, эта цифра мало что скажет мне о реальной природе гальки. Любого, кто на основании этих расчетов решит, будто сможет с первой попытки вытянуть камешек весом в пять унций, ждет горькое разочарование. В действительности может случиться так, что сколько бы он ни искал, он не найдет камушка весом ровно в пять унций.

Статистический метод показывает факты в свете идеальной средней величины, но не дает никакого представления об их эмпирической реальности. Хотя идеальное среднее отражает некий неопровержимый аспект действительности, оно, тем не менее, может исказить истину и тем самым ввести нас в заблуждение. Особенно это справедливо в отношении теорий, основанных на статистике. Отличительной чертой реальных фактов является их индивидуальность. Если называть вещи своими именами, можно утверждать, что реальность состоит из одних исключений и что, соответственно, абсолютная реальность преимущественно иррегулярна.^[2]

Об этом следует вспоминать каждый раз, когда речь заходит о теории, способной стать проводником на пути к самопознанию. Нет и не может быть никакого знания о себе, основанного на теоретических предположениях, ибо объектом этого знания является индивид – относительное исключение и воплощение иррегулярности. Следовательно, индивида характеризует не универсальное и стандартное, а, скорее, уникальное. Посему его следует понимать не как типичную, повторяющуюся единицу, а как нечто неповторимое и единственное в своем роде, заведомо не поддающееся познанию и не сравнимое ни с чем другим. В то же время человек как представитель биологического вида может и должен быть описан статистически; в противном случае о нем нельзя будет сказать ничего общего. С этой целью его необходимо рассматривать как единицу компаративную. В результате мы получим достоверный антропологический или психологический портрет абстрактного *Homo sapiens*, лишённого всех индивидуальных черт. Тем не менее для понимания человека именно эти черты имеют первостепенное значение. Если я хочу понять индивида, я обязан отбросить все научные знания о среднестатистическом представителе человечества, отказаться от всех теорий, дабы занять совершенно новую и непредвзятую позицию. Чтобы понять человека, необходим свободный и открытый разум, тогда как любые знания о человеке, равно как и любые представления о сущности человеческой природы, предполагают самые разные сведения о человечестве в целом.

Итак, о чем бы ни шла речь – о понимании другого человека или самопознании, – я должен оставить все теоретические предположения. Поскольку научное знание не только пользуется всеобщим уважением, но и представляется современному человеку единственным интеллектуальным и духовным авторитетом, понимание индивида обязывает меня совершить *lèse*

majesté^[3] – а именно, закрыть глаза на научное знание. Принести подобную жертву нелегко, ибо установка на научный подход предполагает чувство ответственности, избавиться от которого не так-то просто. Если при этом психолог оказывается врачом, который стремится не только классифицировать своего пациента с научной точки зрения, но и понять его как человека, ему грозит конфликт между двумя противоположными и взаимоисключающими установками: знанием, с одной стороны, и пониманием – с другой. Данный конфликт не может быть разрешен с помощью «или/или»; единственный способ его устранить – своего рода двустороннее мышление, то есть делать одно, не теряя из виду другое.

В свете того факта, что положительные аспекты знания в принципе действуют в ущерб пониманию, суждение, вытекающее из него, вероятно, будет носить несколько парадоксальный характер. Если судить с научной точки зрения, индивид есть не что иное, как единица, которая повторяется *ad infinitum*^[4] и с равным успехом может быть обозначена буквой алфавита. С точки зрения понимания, напротив, высшим и единственным реальным объектом исследования выступает уникальный индивид, лишенный всех тех сходств и закономерностей, которые так дороги сердцу ученого. Всякий врач – прежде всего врач – должен четко осознавать это противоречие. С одной стороны, он вооружен статистическими истинами, усвоенными на студенческой скамье. С другой стороны, перед ним стоит задача вылечить больного, который, особенно в случае психических страданий, требует индивидуального понимания. Чем безличнее терапия, тем сильнее сопротивление пациента и тем ниже вероятность излечения. Психотерапевт ощущает себя вынужденным волей-неволей рассматривать индивидуальность пациента как существенный фактор в общей картине и соответствующим образом корректировать методы лечения. В современной ме-

дицине общепризнано, что задача врача состоит в лечении конкретного больного, а не абстрактной болезни.

Эта иллюстрация из области медицины представляет собой лишь частный случай проблемы образования и подготовки в общем. Научное образование главным образом зиждется на статистических истинах и абстрактном знании, а потому дает нереалистичную, рациональную картину мира, в которой индивид как сугубо маргинальное явление не играет никакой роли. Однако индивид как иррациональная данность есть истинный и подлинный носитель реальности; это конкретный человек в противоположность нереальному идеалу или «нормальному» человеку, к которому относятся научные утверждения. Более того, большинство естественных наук пытаются представить результаты своих исследований так, как если бы они возникли без вмешательства человека. Как следствие, вклад психики – неотъемлемый фактор – остается невидимым. (Единственным исключением, пожалуй, можно считать современную физику, которая признает, что наблюдаемое зависит от наблюдателя.) Таким образом, и в этом отношении естественные науки рисуют картину мира, из которой человеческая психика заведомо исключена, тем самым представляя собой явную антитезу гуманитарным дисциплинам.

Под влиянием научных предположений не только психика, но и отдельный человек, да и вообще все индивидуальные события подвергаются нивелированию и размыванию. Эти процессы искажают действительность, сводя ее к концептуальной средней. Не следует недооценивать психологический эффект статистической картины мира: она оттесняет индивида в сторону, подменяя его анонимными единицами, собранными в массовые формации. Вместо конкретного индивида мы получаем названия организаций и, как кульминацию, абстрактную идею Государства как принципа политической

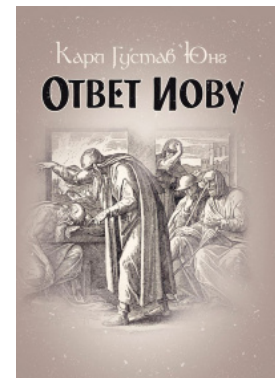
Рекомендована література

Панические атаки
(Гештальт-терапия в
единстве клинических
и социальных
контекстов)

Психологические типы

Ответ Иову

Брехуни на кушетці.
Психотерапевтичні
оповіді

Психологія несвідомого

Аналітична психологія

Перейти до категорії
Аналітична психологія

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ